

УДК 316.622

Модели социального поведения на полюсах жизненного выбора**Кuvaкова И.М.**

Кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и социологии Института социальных наук (Москва), старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Устинкин С.В.

Доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Высшей школы международных отношений и мировой политики, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Савченко И.А.

Доктор социологических наук, доцент, начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской Академии МВД РФ

Джунушалиева Г.Д.

Доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы и связи с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек)

Описаны особенности моделей социального поведения в контексте жизненного выбора актора в современном обществе. В конструктивном поведенческом полюсе выделяется модель просоциального поведения. В иерархии моделей деструктивного поведения конкретизированы и соотнесены асоциальные, девиантные, антисоциальные и делинквентные формы поведения современного человека.

Ключевые слова: модель поведения, человек, личность, группа, просоциальное поведение, девиантное поведение, антисоциальное поведение, делинквентное поведение, полюс жизненного выбора

Посредством последовательности актов жизненного выбора – ошибок, знаний и проб каждый создает единственный в своем роде, собственный «рукотворный» жизненный сценарий, сотканный из переплетающихся сумм шагов – отношений, решений, свершений, падений [1, с. 16]. Так складываются судьбы людей, народов и государств. Похожие решения принимались в каждой из эпох и в любом из ранее существовавших человеческих собраний. Свой социально-исторический выбор уже сделали, делают и реализуют все – *от* каждого индивидуума, семьи, личности и субъекта действия *до* политических элит, территориальных сообществ и государств, их содружеств и союзов. Это и обуславливает единственную, единую для всех живущих траекторию общественной самоорганизации и основанное на смыслах и ценностях будущее развитие цивилизации мира.

Демонстрируемые образцы поведения людей – всегда «продукт» состояния массового сознания общества и единичного мышления; результат проявления зрелых и «сырых», сформулированных и несформулированных, мировоззренческих (идейных, идеологических, аксеологических, патриотических) представлений личности или общности [2, с. 62], о бытии, о своей социальной роли и месте, о значимости и возможностях социальных акторов и их собраний; о праве, законе и порядке, достижимых и несбыточных надеждах; об ожиданиях, насущных потребностях и удовлетворенности работой, доходами и самой жизнью... Или о диссонансе – возможностях манипуляторного управления и конкретных обстоятельствах отчужденности от них общества.

Выделим и опишем иерархию пяти моделей поведения, которые распределяются по двум полюсам жизненного выбора – конструктивному и деструктивному.

Конструктивный полюс жизненного выбора представлен *моделью просоциального поведения* или «добровольного» следования принципам сознательности, долга, добросовестности и ответственности, социальной пользы, что характеризует набор образцов саморегулируемого высоконравственного поведения как отдельного человека, группы, так и больших обществ. Мотивами действий людей служат мировоззренческие ориентиры и социальный порядок, смыслоценностное осознание, этические правила и нормы, чувства сопричастности, приверженности, обусловленные свободным выбором позиции и принятием некой сложившейся, заслуженной роли в группе, авторитетом в малом сообществе или местом в обществе. Этот статус может быть реализованным ранее и представлять собой образ возможного будущего, данного по праву

рождения, родovitости (происхождения) или финансовой состоятельности, опираться на авторитетность и положение родителей или самостоятельно «заработанным», например, благодаря личному героизму, спортивным успехам, профессионализму, должности или, что широко распространено сегодня, богатству, как символам особой социальной значимости действий. Каждое из состояний человека связано с уровнем индивидуальных трудовых навыков, культуры, образования и владения профессией; с личным опытом, интересами, целями и возможностями; с набором идей, мироощущений, смыслов, ценностей и оценок реальности с позиции субъекта действия – эгоистических и группоориентированных, жизненных, практических, прагматических и, в определенной мере добровольно-альтруистических или благородных, включая желание добра, сердечности и естественное проявление сопереживания, сочувствия, милосердия, помощи – добродетели [3, с. 107]. При этом модель и многообразие образцов просоциального поведения, имеющие «глубокие эволюционные корни», способствуют как формированию положительных черт характера – «добродетелей», так и качеств приспособленчества, лести, подхалимства, конформизма, что нередко является средством для получения индивидуальной, личной или взаимной выгоды. Этому поведенческому феномену посвящены большая отечественная литература, художественно-публицистические и научно-исследовательские произведения преимущественно 1960-1980-х гг. [4].

Тем не менее просоциальное поведение фиксируется на конструктивном полюсе жизненного выбора, в то время как остальные четыре поведенческие поделки – на деструктивном полюсе.

Модель асоциального поведения разнообразна по своим проявлениям и, скорее, неоднозначна, но, в целом, характеризует формы, образцы и примеры действий, отклоняющихся или не соответствующих традиционно устоявшимся социальным порядкам, общественным правилам и общим нормам морали.

Понятие «асоциальность» получило широкое распространение и в основном как «собирательный» социально-политический термин примерно со второй половины XX в., обозначая «неблагополучных» членов общества, принадлежащих к «низшему слою» социальной иерархии (бедные, нищие, бездомные, бродяги, попрошайки) и стоящих особняком недееспособных граждан – лиц, не способных в своих действиях «...приобретать и осуществлять гражданские права» или «...создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их» (Ст. 21 ГК РФ).

Историко-социальные образцы применения понятия асоциальности характеризуют разные воз-

зрения обществ по вопросам воспитания, образования и морали. Так, существуют ряд общностей (монашество в буддизме, христианстве, суфизме), где это понятие не носит отрицательного оттенка, а скорее оценивается положительно, характеризуя особый строй мышления, ценностно-бытовой уклад («близость к Богу») или образ жизнедеятельности (юродивые, блаженные, пр.). И, наоборот, в тоталитарном устройстве, например, Третьего рейха в созданных им концентрационных лагерях действовали особые правила поведения. Фашистский порядок установил знак «черного треугольника» для неблагонадежных граждан – евреев, цыган, инвалидов и представителей некоторых социальных слоев как символ «асоциального поведения» для облегчения идентификации, под которую попадали все: не только не «неспособные», но и «не желающие» разделять, принимать, «вливаться» и деятельно поддерживать идеологию нацизма. Знак принуждали носить как бездомных, умственно отсталых, психически больных, проституток, алкоголиков, так и, например, пацифистов. В партийно-государственной программе национал-социализма Третьего рейха понятие, термин «асоциальность» не только включали идеи «непохожести», «отклонений», но и содержали открытый расистский смысл, а метка «черного треугольника» обозначала «уничтожение через работу».

В современном обществе термин «асоциальность» – это отсутствие понимания себя в окружающей социальной среде, ситуация, когда актер не умеет, не подготовлен и не может комфортно и счастливо жить в условиях, предложенных ему обществом. Это – не только протест, сознательный отказ от естественных стремлений познания «себя в мире», «себя и мира», «мира в себе», но и отчуждение, искусственное игнорирование собственных и мотивов других людей, потребностей взаимодействия – «делания добра», поиска взаимопонимания, дружбы, искренности и доверия к себе подобным, как, например, случайный или осознанный выбор одиночества, настрой на индивидуализированную, автономную деятельность – автаркию.

Асоциальность – это еще и социальное безразличие, которое может быть направлено как в отношении других, так и внутрь самого человека. При этом необходимо различать модели асоциальности и антисоциальности, а также их близкого аналога – деликвентного поведения (см. далее), являющие собой примеры игнорирования, пренебрежения и грубого нарушения общественных правил и норм, открытого проявления недовольства, неприязни или презрения, часто в силу низкой личной образованности и культуры (малознания, невежества, узости интересов или ущемленности в правах, ощущения ущербности). И последнее, асоциальность – это не мизантропия, не человеконенавистничество.

Дополнительно укажем, что понятие асоциальности часто трактуется противоречиво. Это понятие нередко используется для влияния на особые группы в обществах-противниках или государствах-конкурентах для создания предпосылок кризисных явлений и обострения противоречий (с использованием провокаций, в том числе и массовых, например, фейк-новостей) или с целью управления отдельными группами, например, творческой интеллигенцией, экономической и политической элитами, молодежью, этническими общностями, религиозными конфессиями [5, с. 240]. Подобного рода влияния оказывают сильное воздействие на все общество, используются для достижения часто долгосрочных экономических и политических интересов государств-конкурентов путем искусственного разъединения народов и поддержки маргинальных групп, которые позиционируют себя как силу или «преобладающее большинство». И здесь все, что относится к понятию «асоциальное», проявляется только по отношению к обществу как целостности, единству.

Модель девиантного поведения или *социальной девиации* представлена образцами отклоняющегося (негативного) поведения, нарушающими наиболее общие, принятые, устоявшиеся или традиционные нормы, распространенные социокультурные практики [6, с. 136]. Модель может рассматриваться как «крайняя» форма и разновидность асоциального поведения. Концепции и анализ образцов, примеров и фактов социальной девиации акцентирует внимание, с одной стороны, на комплексном сравнении поведенческих норм, а с другой – на трансформации общественно устойчивых правил, включая, помимо прочего, спонтанные, случайные и закономерные (каузальные) отклонения, что и предполагает их выявление в ходе контроля и наложения моральных, формальных и неформальных неодобрений, санкций, запретов. Дозволения и запреты как способ общественного воздействия могут быть оформлены законодательно или иным образом установлены, например, на уровне негласно действующих норм морали «по умолчанию», нравственных и этических приличий, этикета (для некоторых групп – «по понятиям»); эстетических воззрений и правил, моды и т.д. Последнее в разных обществах всегда находится в сфере повышенного внимания людей и в арсенале управления власти (воспитательное воздействие, изоляция, наказание, лечение) или манипулирования, скрытого принуждения.

Поскольку поведенческий отклик людей включает сложное (мульти-) взаимодействие – взаимосвязь факторов (причин), условий, обстоятельств, ситуаций и реакций естественного и искусственного (интуитивного, мыслительного, дееспособного, деятельного), с одной стороны, сходных по типу, но различающихся, с другой, «степенью зрелости»

внутренних и ролевых структур человека как «индивидуума – личности – субъекта действия», то и анализ фактов, выбор модели поведения зависят от многообразия их оценок.

Взгляд человека на самого себя и собственное мироощущение – «Я», интересы и потребности, социокультурные ожидания и опыт обуславливают выбор смысловых ориентиров, получение той или иной профессии, квалификации, постановку целей и выбор способов их достижения (рефлексия, реакция, труд). Это и есть, во-первых, «прямое» изучение единичного (своего «Я») – погружение «внутри себя» – «индивидуума», обусловленного состоянием бессознательного (интуитивного) и связанного с анализом умозрительного (осознание, понимание, воззрения); во-вторых, результат исключительно «авторского» подхода состоявшейся «личности» как уникального собрания идей, ценностей, убеждений и правил, их логической взаимосвязи в нормативном и оригинальном исполнении; а в-третьих, – всегда «продукт» синтеза (синергии) первого и второго под влиянием внешних и внутренних, непосредственных и «косвенных», смешанных или интегральных воздействий, предопределяющих выбор «субъекта действия», его потребностей, привычек и предпочтений, выработанных в ходе практики принципов, правил и моделей поведения и жизнедеятельности. Отсюда, в отличие от незрелого или случайного, сами факты сознательного (осознанного, продуманного, осмысленного, рационального) девиантного были, есть и остаются важными признаками (симптомами) деформации, искажения социогуманитарной матрицы природного или «генетического кода» самоприсутствия в общественном единстве как организованной целостности человека и его реализации в условиях конкретной территории.

Эти естественные и искусственные образцы интуитивно-мыслительно-деятельной самоорганизации и акты выбора – *от* инстинктивно-чувственных, умозрительно-логических *до* стратегических решений, образно-художественных и поведенческих примеров для копирования, подражания, разумного повторения, рационального действия, поступка, модели деяний – стали предметом особого интереса социологов [7, р. 300-301], что и позволило разделить природу мироощущения на состояния нормы (правильного, положительного, позитивного) и девиации [8, с. 45], а также связать их с особым подходом к человеку как целостности – «индивидууму – личности – субъекту действия» – и изучить их каждой из наук в своем разрезе.

Модель антисоциального поведения в самом общем виде характеризуется как противообщественное («против общества») действие (деятельность), что подразумевает несогласие и/или отрицательное отношение к традициям и правилам, которые существуют в любом обществе или разде-

ляются какой-либо социальной группой, к образцам и примерам поведения, к стандартам и социальным нормам. Существует целый перечень поведенческих реакций на окружающую реальность – от нарушения правил семейного и более широкого общежития (уход их дома, невозвращение на ночь, конфликт, ложь, жестокость к своим и чужим детям, людям и животным) до необоснованного отсутствия на работе (в школе, вузе), сознательного нанесения вреда (кража, грабёж) или повреждения чужого имущества (намеренная порча, поджог). Некоторые поступки совершаются под влиянием эмоций, «всплеска» чувств, «взрывного характера» или враждебного настроения, кратковременного, с высокой интенсивностью волевого действия (аффект), в состоянии импульсивности, раздражительности, агрессивности (избиение) или психопатоподобного поведения.

Но сами факты антисоциального поведения и, тем более, настаивание на этом выборе, акты его повторения всегда имеют свои «начала», главными из которых являются конкретные смыслоценностные установки личности. Переход от случайного, спонтанного «асоциальное – девиантное» к повторяющемуся, устойчивому в конкретных условиях действительности начинается с деформации мировоззренческих, моральных и ценностных ориентиров, этических и эстетических представлений, табу и принципов внутренней саморегуляции, диссонирующей с правилами социальной самоорганизации личности как общественного «субъекта действия», а крайняя – наиболее опасная – степень этого поведения выражается в преступных замыслах и попытках.

Антисоциальное поведение подростков (12 – 14 – 16 лет) и молодежи (до 35 лет) может являться, с одной стороны, реакцией на мнимые ценности (быстрое обогащение, уклад воровской жизни) и ложные установки (рантье, социальные изживенцы). Или рассматриваться с другой стороны, как поспешный, «максималистский» выбор «незрелой» личности «крайних» образцов поведения в ответ на объективные трудности в учебе (трудный материал, недостаточная подготовка педагога), на работе (неинтересно, строгий начальник) или запаздывающая социализация – лень, необязательность, безответственность. С третьей стороны, несогласие с действительностью – это ответ на конфликтогенность в семье, непонимание в группе сверстников или трудовом коллективе (школьный класс, трудовой коллектив), безработицу, низкую пенсию или зарплату, отсутствие денег (достатка). Здесь могут рассматриваться случаи не только лживости, отсутствия лояльности к окружающим, попытки обвинить других в собственных неудачах или уклонение от обязательств (службы в армии, уплаты налогов, финансовый долг – кредиты, штрафы, алименты, ЖКХ), но и факты невозможности их исполнения в силу, например, условий экономического кризиса. Рискованное

вождение (алкоголь за рулем), ложный медицинский диагноз, нанесение ущерба своему предприятию или поступки, связанные с риском или угрозой жизни других людей могут также рассматриваться как формы антисоциального поведения. Наконец – один из вариантов «дискуссионно антисоциального» как более широкого политического (оппозиционного, революционного) протеста, выходящего за рамки законодательного поля, среди причин которого могут быть и вполне реальные проблемы человека, социального слоя, класса – несправедливость, дискриминация, трудовое и экономическое бесправие, неуважение со стороны чиновников, игнорирование мнения общественности, масс, обманутые ожидания (дольщики жилья), ущемление прав и свобод на предприятии, в обществе.

Модель делинквентного поведения характеризует поступок как антиобщественную провинность – действие или бездействие, правонарушение, преступление. Отражает высокую степень вреда или опасности по отношению к «живому» и «неживому»: людям, природе, животным, имуществу, обществу. В основании этой модели лежит поведенческий акт – деликт – неправомерное поведение, единичный, частный или групповой гражданско-правовой проступок, связанный с необходимостью возмещения вреда, убытка, ущерба потерпевшим (частное право). Надо сказать, что такого рода «противоправное действие частного характера» вызывает у пострадавшего желание, намерение или «заинтересованность» ответить – «наказать обидчика» или «возместить» утрату [9]. Особые сферы – подростковые (часто несовершеннолетние) и «зрелые» (осознанные) деликты, которые совершаются людьми под влиянием стихии спорных, ложных, провокационных идей, моды, или навязанных воззрений, негативных примеров, низменных, антикультурных образцов и, прямо скажем, подстрекательских, «санкционных» внешних воздействий (СМИ, интернет) – являются причиной несчастий и сломанных судеб.

Остро стоит вопрос о способах научного исследования, методах сбора и обработки информации, выявления реальных механизмов социальной самоорганизации и дезорганизации; о методиках определения моделей поведения, нормативной шкалы отклонений и их оценках; о содержании и критериях социо-гуманитарной матрицы (для конкретного общества, территории), о социокультурных стандартах и правилах общежития, о причинах, условиях, побудительных мотивах таких действий в связи с характеристическими особенностями, менталитетом и культурой народа. Актуализируется вопрос воспитания индивидуума, просвещения личности, обучения и профессионализации субъекта действия как законопослушного, активного, инициативного и творческого члена общества – гражданина – просо-

циального актора. Указанное относится к предмету интереса таких отраслей знания, как социальная педагогика и педагогика, медицина, психология и социология (социология семьи, социология личности, экономическая социология, социология денег, социология группы, социология культуры) и социология управления (самоуправление), конфликтология, криминология и т.д.

Делинквентное поведение соединяется, соседствует с антисоциальным, далее – с девиантным, затем, с асоциальным и, наконец, с просоциальным, образуя **«перевернутая пирамида моделей поведения» («ППМП»)** или **«иерархию моделей поведения» – «иерархию МП»**, нисходящую от просоциального. В действительности эти явления – самостоятельные, не совпадающие и не дублирующие друг друга. Но каждая модель характеризует свое проблемное поле, где на границе с соседними моделями имеются особые зоны «напряжения». Здесь организуются смешанные поведенческие практики, делегированные от соседей – вторгшихся и захвативших часть поля: по одной зоне для просоциальной и делинквентной моделей, и по две зоны у остальных. Фрагменты проблемных полей на «границе» – в особой зоне «напряжения» – включают поведение, действия и деятельность, которые зачастую трудно квалифицировать. Теоретически «ППМП», «иерархия МП» и ее проблемные поля «соотносятся» между собой не столько как «род и вид», сколько как «целое и ее части».

Это отчасти объясняется тем, что в разных устройствах обществ свои «нормы» и «отклонения», которые являются долговременным и «текущим» по природе «продуктом» уникальной социальной самоорганизации. Столетиями оформляющиеся менталитет («склад ума»), характер, особенности волевых натур и намерения, цели и способы их достижения предопределили состояние основ человеческих, религиозных, культурных, национальных и иных смыслоценностных ориентиров обществ, подчинивших «правила» и «порядок», основанные на жизненном опыте, практике и достижениях жизнедеятельности. Последнее тесно связано с социально-исторической судьбой, экономическим укладом, решениями государственных органов, политическим режимом, социокультурным состоянием и мироощущением граждан. Каждый из факторов по-разному влияет на рамки проблемного поля поведенческой модели. Некоторые действия в зависимости от обстоятельств могут признаваться преступлением или правонарушением, а затем переходят в разряд морально порицаемого и отклоняемого, либо нейтрального и даже положительного. Например, спекуляция – коммерческое посредничество – предпринимательство.

Рассматривая все изложенные модели в концептуальных рамках ППМП (иерархии МП) через при-

зму права, возможностей и целесообразности государственного, социального управления, укажем, что особая зона «напряжения», определяемая как деяние в «точке невозврата», наблюдается уже в рамках второй – асоциальной модели на верхней ее границе. А далее – по нисходящей. Но именно здесь, если человек случайно или сознательно оказался в этой зоне, проявляется первичный конфликт личности – формируется «отклик» на «вызовы» окружающей реальности. Об углублении конфликта или разрешении противоречий свидетельствует выбор тех или иных образцов мышлений и действий – модели поведения, что характеризуется «нормативной шкалой отклонений» – «зрелая», «авторитетная» или «мелкая», «маленькая» личность: «Благородный муж» постигает справедливость, а низкий (“малый”, “мелкий”) человек постигает выгоду» (Конфуций). Любому решению предшествует инстинктивно-умозрительная спонтанность или трудная, серьезная интуитивно-логическая и аналитическая, рационально-воспитательная работа ума самого человека, обобщение накопленного опыта, знаний и соединения их с экономическими условиями, деловой и политической атмосферой в обществе, своими и возможностями других людей. И здесь, со стороны общества (государства) или любой из заинтересованных сторон, что представляется весьма важным, может, согласно действующему законодательству, и должна, исходя из осознания общественно значимых целей и проблем развития, применяться не только «нормативная шкала» оценок, но и технология «корректирующей логики».

Последняя высоко общественно значима, но дуальна по своей природе и может носить в зависимости от выбора ее заказчиков и управляющих, либо кому-то нужный деструктивный, дестабилизирующий, разъединяющий народ и общество характер, либо позитивный (научно-технологический), достигаемый, например, средствами социальной инженерии или, как разновидности первого, свободной жизнеспособной самоорганизацией масс: мировоззренческой (идейной, идеологической, аксеологической, патриотической), предприимчиво-деловой, экономической, политической, самоуправления и т.д.

Что может (и должно) предпринять общество и государство, чтобы, не откладывая, создать справедливое устройство, сделать свободнее и счастливее свой народ? Что уже сегодня можно предложить для устойчивого развития человека в стране и мире? Об этом речь пойдет в следующем исследовании авторского коллектива.

Литература:

1. Шаповалова И.С., Кисиленко А.В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13. – № 6. – С. 14-28.
2. Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Гражданская идентичность в моделях поведения современной молодежи // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 30-3. – С. 61-64.
3. Кувакова И.М. Труд как творчество, воспроизводство и профессиональное управление – базовые задачи современного государства в условиях развития информационного общества и глобализации // Сборник материалов второй международной научно-практической конференции «Костинские чтения». 19 апреля 2019 г. Академия труда и социальных отношений. – М.: ИИЦ «АТиСО», 2019. – С. 105-109.
4. Воробьева М.В. Образы конформистов в текстах культуры советского общества 1960-1980-х гг. // Лабиринт. – 2013. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-konformistov-v-tekstah-kultury-sovetskogo-obschestva-1960-1980-h-gg> (дата обращения: 30.05.2021).
5. Савченко И.А., Устинкин С.В. Религия в восприятии современной молодежи: цифры и комментарии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 7. – С. 232-263.
6. Савченко И.А. Девиантная природа равнодушия в микро- и макроизмерениях // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы IX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Электронное издание. Ответственный за выпуск: А.А. Таганова, И.С. Нестеренко. – 2016. – С. 134-137.
7. Elster J. Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 516 p.
8. Кувакова И.М. Проблемное пространство выбора траектории процессов современных постиндустриальных изменений // Общество и право. – 2003. – № 1. – С. 43-48.
9. Войтович Л.В., Сергеев И.В. Особенности института деликтной ответственности в римском частном праве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Международной научной конференции. – Казань: Бук, 2015. – С. 10-13.

Models of Social Behavior at the Poles of Life Choice

Kuvakova I.M.
Institute of Social Sciences,
Linguistics University Nizhny Novgorod

Ustinkin S.V.
Linguistics University Nizhny Novgorod,
Volga branch Federal Research Sociological Center of Russian Academy of Sciences

Savchenko I.A.
Linguistics University Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Dzhunushalieva G.D.
Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek)

The article describes the features of social behavior models in the context of the actor's life choice in modern society. In the constructive behavioral pole, the model of prosocial behavior is distinguished. In the hierarchy of models of destructive behavior, asocial, deviant, antisocial and delinquent forms of behavior of modern man are identified, concretized and correlated.

Key words: behavior model, person, personality, group, prosocial behavior, deviant behavior, antisocial behavior, delinquent behavior, pole of life choice

